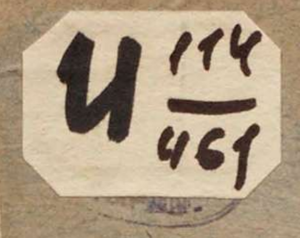

БОРОВСКIЙ

ПАФНУТЬЕВЪ МОНАСТЫРЬ.

„А ниже Боровска, на Поротвѣ, монастырь Пафнутьевъ. А вверхъ по рѣкѣ Поротвѣ, выше Боровска, Вышеградъ. А на Поротвѣ же, „градъ Верея, отъ Вышеграда 20 верстъ“.

Книга, глагол. Большой Чертежъ.

„Отсюда отъ обители въ близъ сущую пустыню, яко за два поприща, обрѣте мѣсто угодно въ подолiи между двумя рѣками, густыми лѣсы остѣнаемо, вселися тамо“.

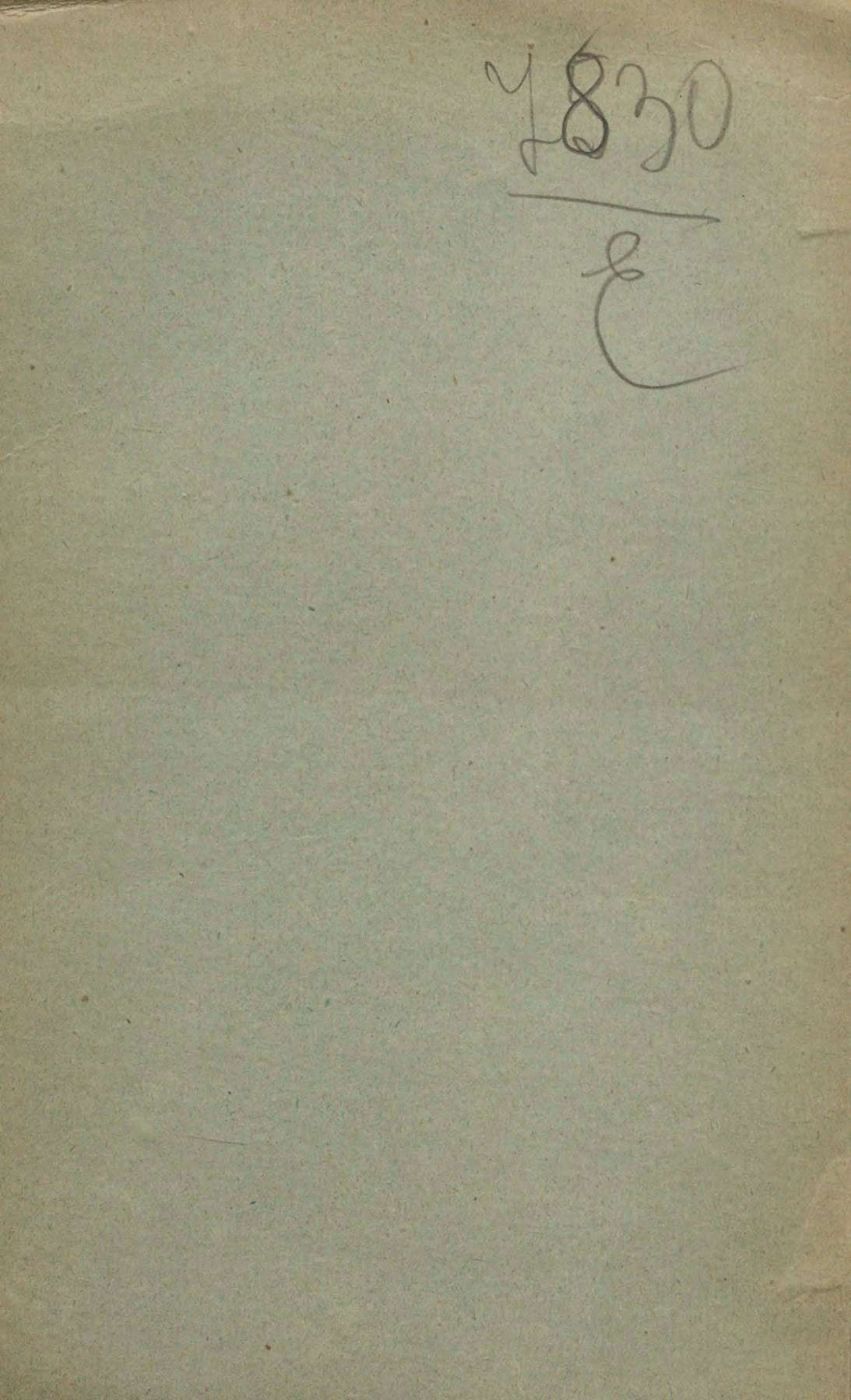
Жиз. Пр. Пафн. Боров. Чуд.

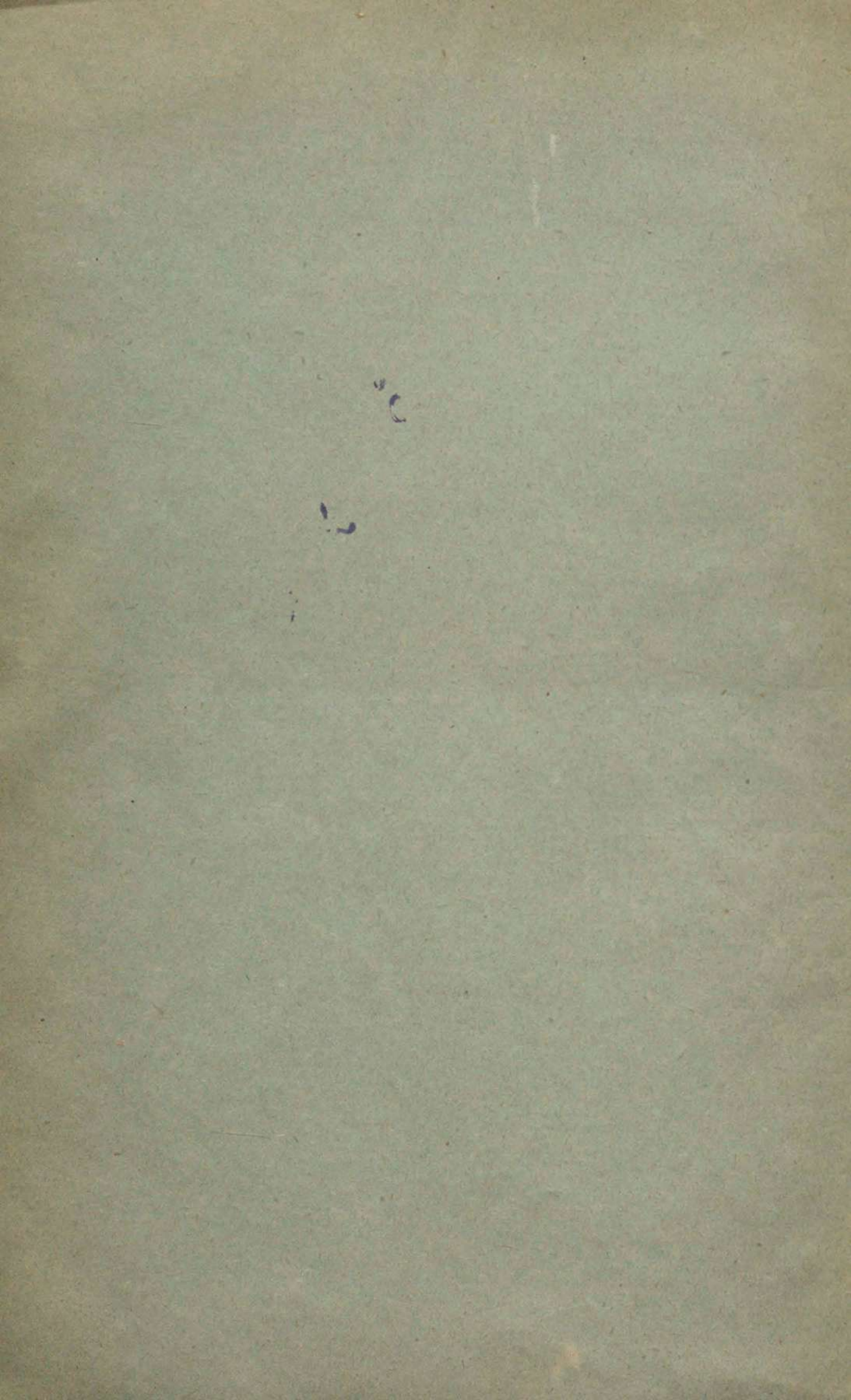
Чет. Мин.

МОСКВА.
Типо-Лит. Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1897.

1830

БОРОВСКІЙ

ПАФНУТЬЕВЪ МОНАСТЫРЬ.

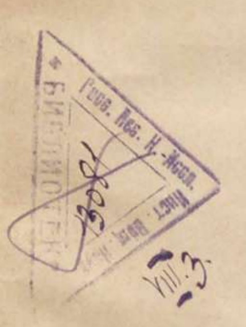
„А ниже Боровска, на Поротвѣ, монастырь Пафнутьевъ. А вверхъ по рѣкѣ Поротвѣ, выше Боровска, Вышеградъ. А на Поротвѣ же, „градъ Верея, отъ Вышеграда 20 верстъ".

Книга, глагол. Большой Чертежъ.

„Отсюда отъ обители въ близъ сущую пустыню, яко за два поприща, обрѣте мѣсто угодно въ подоліи между двумя рѣками, густыми лѣсы остѣнаемо, вселися тамо".

Жиз. Пр. Пафн. Боров. Чуд.

Чет. Мин.

МОСКВА.
Типо-Лит. Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1897.

Дозволено цензурою. Москва, 18 Октября 1897 года.

Боровскій Пафнутьевъ монастырь.

„А ниже Боровска, на Поротвѣ, монастырь Пафнутьевъ. А вверхъ по рѣкѣ Поротвѣ, выше Боровска, Вышеградъ. А на Поротвѣ же, „градъ Верея, отъ Вышеграда 20 верстъ“.

Книга, глагол. Большой Чертежъ.

„Отсюда отъ обители въ близъ сущую пустыню, яко за два поприща, обрѣте мѣсто угодно въ подоліи между двумя рѣками, густыми лѣсы остѣнаемо, вселися тамо“.

Жиз. Пр. Пафн. Боров. Чуд. Чет. Мин.

Рѣка Нара, подъ Нарой-Ѳоминской составляютъ грань между Московской губерніей и Боровскимъ уѣздомъ, Калужской. Отсюда идетъ старая большая дорога вплоть до Боровска. Сразу мѣняется характеръ мѣстности, какъ только въѣзжаешь въ Калужскую губ. Двойная березовая аллея тянется по обѣимъ сторонамъ большака, а за нимъ сплошные, хотя и некрупные лѣса; дорога очень однообразна и почти нѣтъ жилья; одна только деревня попалась намъ по пути. Лошади наши замучились отъ продолжительной ѣзды. Мы выѣхали на нихъ изъ Михайловскаго въ 8 ч. утра. День былъ жаркій, солнце палило во всю мочь, и подъ часъ становилось совсѣмъ тяжко.

Мы отъѣхали верстъ 25, деревья начали мало по малу рѣдѣть; мѣстность стала открытѣе, и наконецъ издали показался городъ. Мы спустились въ лощину, когда сталъ накрапывать дождь;

рѣдкія, но крупныя капли нѣсколько прибили пыль, а солнце не переставало пригрѣвать по прежнему. Мы приблизились къ долинѣ Протвы, и передъ нами живописно раскинулся Боровскъ, съ своими церквами и зданіями, разбросанными по холмамъ, и съ рощами надъ извилистыми берегами Протвы.

Мы свернули по направленію къ Пафнутьеву монастырю, который находится въ 2 в. отъ города. Издали показался онъ намъ полузаслоненнымъ сосновою рощею и зданіями пригорода; тянулась только высокая желтая каменная стѣна, и какая-то виднѣлась желтая же башня съ остроконечною желѣзной крышей.

Дорога тянется берегомъ Протвы, вдоль котораго стоятъ избы. Это жилища старообрядцевъ, кольцомъ окружающихъ Пафнутьевъ монастырь, гдѣ когда-то заключенъ былъ извѣстный Аввакумъ.

Мы наконецъ остановились у самыхъ монастырскихъ стѣнъ, высокихъ, монументальныхъ, съ такими же башнями и съ высокою соборной колокольней.

Пѣшкомъ вступили мы въ монастырскія врата, вездѣ все казалось безлюднымъ, и мы долго не могли добиться монаха; наконецъ первому встрѣчному объяснили, что пріѣхали на ночлегъ. Онъ насъ направилъ въ какое-то неопредѣленное зданіе, несомнѣнно древнее, — что-то въ родѣ пристройки къ церковному строенію, съ комнатами почти безъ мебели и весьма невзрачными.

Мы хотя и рѣшили здѣсь остаться ночевать, но не иначе, какъ на сѣнѣ, за которымъ и послали.

Когда поднимались мы ступенями лѣстницы, то замѣтили, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ «ремонтъ» когда-то произведенъ былъ, по многимъ признакамъ, съ помощію надгробныхъ плитъ!

Къ этому способу, къ сожалѣнію, нерѣдко прибѣгаютъ и донынѣ, потому что у насъ еще мало цѣнятся памятники, и потому-то погибло и погибаетъ столько остатковъ старины.

Жаръ давно уже свалилъ, и вечеръ наступилъ тихій и ясный. Мы взглянули въ окно: по монастырскому двору тихо проходилъ еле замѣтной походкой старецъ съ большою тростію въ рукахъ, безъ которой онъ навѣрное бы упалъ. Шелъ онъ покачиваясь и еле передвигая ноги, съ опущенной головой, большая сѣдая борода спускалась на грудь.

Намъ объяснили, что древній старецъ — это архимандритъ одного узъ калужскихъ монастырей, полуслѣпой, давно живущій здѣсь на покоѣ.

Невольно при видѣ его припомнился намъ обликъ Грознаго царя, хотя быть можетъ черезъ чуръ уже одряхлѣвшій.

Съ монастырской колокольни раздался звонъ: заблаговѣстили къ вечернѣ, но мы еще были до того запылены дорогой, что поспѣшили прежде всего къ берегу Протвы. Здѣсь, кромѣ меня, всѣ выкупались недалеко отъ монастырской мельницы и широкой плотины. Мельница о вось-

ми поставахъ; съ шумомъ текла вода, и брызги ея освѣжали воздухъ.

Вечерня уже отходила, когда мы взошли въ соборъ, почти пустой; на клиросахъ пѣли монахи довольно стройно. Старикъ іеромонахъ дрожащимъ голосомъ прочелъ отпускъ. Въ это время подошелъ къ намъ монахъ въ клобукѣ, съ виду еще бодрый, съ наперстнымъ крестомъ. То былъ настоятель обители, архимандритъ Діонисій.

Весьма обязательно и просто предложилъ онъ намъ осмотрѣть монастырь, и самъ взялся быть нашимъ проводникомъ.

Соборъ примѣчателенъ по своей архитектурѣ, напоминающей церковь въ с. Вяземахъ. Онъ того же времени.

Мы приложились къ ракѣ Св. Пафнутія Боровскаго и послѣдовали за архимандритомъ. Прежде всего повелъ онъ насъ въ ризницу и въ библіотеку. Помѣщеніе просторное и порядокъ вездѣ.

Монастырь основанъ (въ 6952) въ 1444 году 28 апрѣля при Боровскомъ князѣ удѣльномъ Василіѣ Ярославичѣ. Онъ подвергался многимъ испытаніямъ, осадамъ и разореніямъ, а потому уцѣлѣло въ немъ немногое; но за то среди уцѣлѣвшаго встрѣчаются сокровища.

Мы любовались фресками соборнаго притвора и размѣромъ помѣщенія, совершенно напоминавшаго Московскую Грановитую Палату. Особенно поражаютъ древніе изразцы.

У самаго собора вплотную примыкаетъ къ нему небольшая одноглавая церковь Св. Вм. Ирины. «Сія придѣльная церковь во имя Св. Вм. Ирины освятися... 1651 г. апр. въ 11 день, тщаніемъ Благов. Гос. Царевны и Вел. Княжны Ирины Михайловны».

По случаю трещины въ стѣнѣ, въ ней теперь не служатъ, и иконостасъ еле держится. Иконы древнія. Вся церковь, какъ гласитъ надпись, построена Ириною Михайловной Романовой, но монастырь Пафнутьевъ главнымъ образомъ связанъ воспоминаніями о другой Иринѣ — Годуновой.

Годуновы, потомки Чета, тяготѣли къ монастырю Боровскому, основанному Св. Пафнутіемъ, одного съ ними происхожденія: «родомъ отъ колѣна Агарянска».

Дѣдъ Пр. Пафнутія былъ Боровскимъ баскакомъ, принявшимъ христіанство и водворившимся въ сельцѣ Кудиновѣ, въ 3 в. отъ города. Внукъ его Парфеній принялъ монашество съ именемъ Пафнутія, подъ руководствомъ инока Никиты, ученика Пр. Сергія Радонежскаго. Онъ скоро прославился, какъ подвижникъ: «Въ пріятіи приходящихъ человѣковъ не бѣ у него лицезрѣнія, не сумняшеся лицъ сильныхъ, но призираше нищихъ и елицы гордостію взимахуся, тѣмъ не зѣло бѣ преступенъ; къ смиреннымъ же весьма любезенъ и къ нищимъ милосердъ». Онъ преставился въ 1477 г. 1 мая, 83 лѣтъ.

Здѣсь и вклады, и грамоты Годуновыхъ; не случайно же сюда, именно въ Боровскъ къ Св. Пафнутію, перешелъ и воспитатель Царя Θеодора, довѣренное лицо Бориса Годунова. Здѣсь доживалъ онъ свои дни и наконецъ принялъ схиму.

Имя Лупа Клешнина звучитъ какъ-то неопредѣленно въ темномъ дѣлѣ Углицкомъ 1591 г. Схима не оградила Клешнина отъ подозрительности потомства.

Сохранилась слѣдующая надпись.

«Лѣта 1599. Апрѣля 27 дня, преставися рабъ Божій Великаго Государя Царя и Великаго Князя Θедора Ивановича в. Россіи дядька, окольничей Лупъ, зовомый Андрей Петровичъ Клешнинъ, во инокехъ Левкій схимникъ».

Сюда любилъ пріѣзжать на богомолье Царь Θеодоръ, и конечно монастырь, близкій Царицѣ его и семьѣ Годуновыхъ, былъ близокъ и ему.

И донынѣ въ монастырской ризницѣ хранятся ризы, на которыхъ жемчугомъ вышита надпись: «въ лѣто 1596 г. Ц. и В. К. Θеодора Ив. в. Р., его Христолюбивой Царицы и В. Княгини Ирины Θедоровны даны ризы Преподобному Пафнутію Боровскому Чудотворцу».

Въ числѣ иконъ — образъ Св. Димитрія Селунскаго, верхняя одежда—воинскій плащъ, въ правой рукѣ крестъ, шитый золотомъ—витымъ, въ лѣвой—знамя, на змѣевидномъ бѣломъ платьѣ нашита золотомъ звѣзда съ хвостомъ, за плечами щитъ. Пожертвованъ въ 1616 году княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ.

Тутъ же и плащаница, вкладъ Василія Яковлевича Щелкалова: «Сдѣлалъ сій воздухъ и приложилъ во обитель Пр. Богородицы честнаго и славнаго Ея Рождества и В. Чудотворца Пафнутія Василій Яковлевичъ Щелкаловъ съ сыномъ своимъ Иваномъ Васильевичемъ лѣта 1598 г., но еще при державѣ Царя Ѳеодора, передъ самою его кончиною».

Вообще, Пафнутьевъ монастырь былъ разсадникомъ образованія для многихъ. Ученикомъ Пафнутія былъ Іосифъ Санинъ (Волоколамскій).

Въ 1610 монастырь былъ опустошенъ Тушинскимъ воромъ. Во время разгрома воевода князь Михаилъ Константиновичъ Волконскій убитъ въ Соборѣ. Надъ погибшимъ Волконскимъ сохранилась надгробная надпись. Здѣсь же похоронены Щербатовы, Киселевы, Прончищевы, Репнины, Соковнины и др.

Въ небольшой отдѣльной церкви — гробница князя Михаила Никитича Волконскаго, бывшаго главнокомандующаго Москвы, съ которымъ переписывалась Екатерина по дѣлу Пугачева. Мы не входимъ въ историческія подробности: онѣ находятся въ описаніи монастыря, составленномъ Арх. Леонидомъ (Кавелинымъ. Москва 1889 г.), а ограничиваемся личными впечатлѣніями.

Окончивъ осмотръ монастыря, Арх. Діонисій предложилъ намъ прогулку въ садъ. Солнце еще не заходило, и вечеръ былъ дивный.

Онъ взялъ съ собою одного только послушника, и мы послѣдовали за нимъ въ калитку,

продѣланную въ стѣнѣ... Когда мы вышли за ограду, то невольно остановились, чтобы полюбоваться открывшимся видомъ.

Подъ нами крутой берегъ запруженной рѣчки Истерема, за которымъ на пригоркѣ красовалась сосновая роща, и на краю виднѣлся липовый садъ со зданіями. «Это нашъ пчельникъ»! сказалъ о. Діонисій и съ видомъ особаго удовольствія повелъ насъ чрезъ лавы въ свое уединеніе.

Когда мы перешли на другой берегъ и проникли въ его садъ и на пасѣку, то оттуда открылся прекрасный видъ на монастырь, стоящій на крутомъ берегу рѣки. Эта лучшая сторона монастыря, и отсюда онъ дѣйствительно величественъ.

О. Діонисій показалъ намъ свое хозяйство очень подробно, по всему было видно, что онъ садоводъ, любитель; на все у него обращено вниманіе; онъ дорожилъ каждымъ деревцомъ, и чего у него тутъ не было! Все это создано его личными трудами, не болѣе какъ въ 8 лѣтній срокъ. Это уголокъ любительскій. О. Діонисій—уроженецъ Курской губерніи и съ дѣтства обжился въ Крыму, въ Бахчисарайскомъ Успенскомъ скиту. Тамъ онъ также развелъ прекрасный садъ.

Среди уединенія настоятельской пасѣки, подъ тѣнію липъ и сосенъ, стоитъ часовенка. Здѣсь на аналоѣ Евангеліе и Крестъ. Не такова ли была келія основателя обители? То же уединеніе молитвы, среди цвѣтущей природы, и та же живая

къ ней любовь! Она разрѣшаетъ трудную задачу жизни и даетъ покой душѣ и бодрость тѣлу. На видъ о. Діонисію можно было дать 60 л., а ему было 78! Онъ неутомимъ; за нимъ и молодой не угонится.

Св. Пафнутій завѣщалъ своимъ преемникамъ любовь къ садоводству и къ природѣ. «Мѣсто, идеже обитель та преподобная составися, густымъ лѣсомъ окружаемо сущо, удобно есть къ привитанію птицамъ, и возгнѣздяется тамо множество врановъ черноперыхъ, на нихъ же Преподобный смотря утѣшался и положи заповѣдь, да никто же птицъ тѣхъ или птенцовъ ихъ руками емлютъ или чѣмъ-либо уловляетъ и погубляетъ»! *)

Самъ же Пр. Пафнутій «всегда же труждашися въ тяжкихъ дѣлехъ, дрова сѣкій и на раменахъ носяй, землю вертоградную воздѣлава и воду нося, и напояя зеліе, и на вся тяжестная дѣлаше, и никто же прежде его обрѣташеся на всякомъ дѣлѣ и на соборномъ правилѣ. Во время зимнее молитвѣ множае прилежаше и чтенію и рукодѣлію, мрежи плетвій на ловитву рыбы»!

Всѣ мы испытывали какое-то особенное успокоительное, примиряющее настроеніе и не чувствовали усталости, хотя время уже было позднее. Начинало темнѣть, когда мы разстались съ добродушнымъ настоятелемъ и вернулись въ монастырь.

---

*) Жит. Преп. Паф. Боров. Чуд.

Молодой мѣсяцъ показался надъ монастыремъ и освѣтилъ всю окрестность, вечеръ былъ такъ хорошъ, что мы долго еще сидѣли у берега Протвы, любуясь яснымъ небомъ и рѣзкими очертаніями монастырской ограды, съ ея колокольнями и башнями.

Тихо струилась Протва; отъ мельницы доносился шумъ колесъ, да гдѣ-то вдалекѣ раздавались голоса и замирала пѣсня...

На другое утро мы отслужили молебенъ у раки Пр. Пафнутія, и не безъ сожалѣнія покинули древнюю обитель съ ея маститымъ, но юнымъ душею настоятелемъ архимандритомъ Діонисіемъ.

Теперь уже его нѣтъ въ живыхъ.

Въ Пафнутьевъ монастырь прибыли мы 13 іюля 1890 г., а 14 черезъ Верею выѣхали въ Покровское, къ 40 дню по тетушкѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Шереметевой.

Графъ Сергій Шереметевъ.

Михайловское,
2 Августа 1897 года.

